

СПАСЕНІЕ НЕЩАСТНАГО СЕМЕЙСТВА.

Смоленская помѣщица, вдова *Настасья Петровна Бунина* поѣхала въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу двухъ старшихъ сыновей своихъ и для предшавленія въ Смольной монастырь дочери, которая имѣла уже щастіе быть туда принята. Хотя войска наши равно какъ и непріятельскія, были тогда въ движеніи, однако военныя дѣйствія еще не начинались, и она, уѣзжая, оставила безъ себя четырехъ дѣтей, двухъ маленькихъ сыновей въ Смоленскомъ пансіонѣ, и еще двухъ меньшихъ дочереи дома, препоруча ихъ всѣхъ человѣколюбивому покровительству сосѣдей, и наслаждался спокойною о ихъ судьбѣ безпечностію.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, обстоятельства приняли неожиданый, ужасный видъ. Вторгшіеся разбоемъ французы угрожали Смоленску, и опустошили окрестныя мѣста огнемъ и мечемъ. Всякой думалъ о своемъ только спасеніи. Устрашенные помѣщики разбѣжались, кто куда могъ, увозя съ собою дѣтей и родственниковъ своихъ, въ Смоленскомъ пансіонѣ находившихся. Пансіонъ сей сдѣлался пустъ; одни только беззащитные Бунины остались въ немъ -- жертвою извѣстной лютости французовъ. Но Богъ положилъ иначе! Богъ -- безъ воли коего ни единый власъ не упадетъ съ главы нашей, который удостоиваетъ пещись и о храненіи земнаго червя, не восхотѣлъ, чтобы невинные птенцы сіи безвременно погибли! Онъ укрѣпилъ духъ ихъ -- вложилъ въ него твердость и рѣшимость, дѣтскіе годы превышающія, и указалъ имъ сердца, исполненныя великодушія. Неизвѣстно, по чему содержашель пансіона Господинъ Г. не хотѣлъ ихъ пустить отъ себя, увѣряя, что они находятся внѣ всякой опасности, хотя три дни продолжалось непрерывное сраженіе, оиѣ грома коего дрожали Смоленскія стѣны. Любопытство повело ихъ на башню, съ коей непривыкшіе къ ужасамъ взоры ихъ были поражены видѣніемъ мертвыхъ тѣлъ, летаніемъ бомбъ и ядеръ и ручьями текущей по улицамъ крови. Уже изъ дому въ домъ переливался пожаръ. Самый пансіонъ ихъ, когда они вошли въ него обратно, загорѣлся отъ упавшей на кровлю бомбы. Въ ближней комнатѣ обрушился потолокъ, -- неизбѣжная смерть предстояла имъ, но вѣрный, великодушный дядька, крѣпостной ихъ матери человѣкъ, исхитилъ ихъ изъ пламени, подвергая собственную жизнь видимой опасности. Такимъ образомъ спасенные отъ одной смерти, принуждены они были итти на срѣтеніе многимъ другимъ. Пробравшись ползкомъ чрезъ цѣлую улицу, вышли они на Соборную гору, которая была занята войсками. Съ каждою близъ нихъ упавшею бомбою падали они отъ страха на мертвыя тѣла и нѣсколько разъ, лежа посреди умирающихъ, смѣшивали со столами ихъ дѣтскіе свои вопли; однако твердости совершенно не потеряли, и выбрались сохранны за городскіе ворота. Наступила ночь; голодь и понесенные того дня труды столь изнурили силы ихъ, что они не могли болѣе идти. Какая то бѣдная старушка, найдя ихъ въ семъ горестномъ положеніи, дала имъ по куску хлѣба и по одному огурцу, и они, подкрѣпясь оною милосердія трапезою, шли чрезъ всю ночь. Въ пятой день вошли они въ *Духовицкую*, гдѣ съ радостію увидѣли нашъ обозъ и Рускихъ солдатъ, вокругъ разложеннаго огня отдыхающихъ. Кроткій сонъ овладѣлъ ими такъ, что меньшій братаъ скатился спящій въ огонь, сжегъ себѣ платье и прожегъ бокъ. Неусыпно о безопасности ихъ помышляющій дядька развѣдалъ отъ солдатъ, что они идутъ подъ начальствомъ Г. Порутчика *Ивана Ивановича Лошакова*, осмѣлился къ нему подойти, и просить маленькимъ господамъ своимъ покровительства. Прозьбы его не жестокаго касались сердца! Сострадательный Офицеръ не только далъ ходатайствуемое несчастнымъ дѣтямъ покровительство, но уиѣсня самага себя, посадилъ ихъ въ одну съ собою повозку, питалъ за однимъ съ собою столомъ, дѣля каждый кусокъ свой пополамъ съ ними. Сего еще показалось ему недостаточно. Будучи долженъ изъ *Можайска* поворошить въ главную армію, пожаловалъ онъ имъ лошадь, телѣгу, сухарей, говядины -- всего, что только имѣлъ, дабы могли они достигнуть Петербурга.

Мать сихъ вначалѣ несчастныхъ, но послѣ толико разъ ошастливленныхъ дѣтей, проливая ежедневно горячія ко Всевышнему молитвы о сохраненіи жизни и ниспосланіи небесныхъ милостей примѣрному въ великодушіи *Ивану Николаевичу Лошакову*, просила меня сдѣлать рѣдкій поступокъ его извѣстнымъ, напечатать о немъ, какъ было, въ какомъ нибудь журналѣ, ибо не имѣя чести его знать, не можетъ она иначе излить предъ нимъ чувствительной своей благодарности. Но пріятная должность быть благодарною представилась ей вторично. Спасенные отъ многихъ напастей ея сыновья, пріѣхали ночевать въ *Лоташино* {Тверской Губерніи, Волоколамскаго уѣзда.} деревню Его Сіятельства, *Князя Ивана Сергѣевича Мещерскаго*. Бдительный той деревни управитель, увидя сихъ путешественниковъ, не преминулъ спросить, кто они, и куда ѣдутъ, а узнавъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, предложилъ вкусный столъ, покойный ночлегъ и представилъ ихъ Князю. Въ одно мгновеніе дѣлаются они семьянами страннопріимныхъ своихъ хозяевъ, хотя ни они, ни родители ихъ, ни даже кто либо изъ родственниковъ